

МИР ИСТОРИКА

ВЫПУСК 7

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования

ОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

ОМСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

МИР ИСТОРИКА

Историографический сборник

Выпуск 7

Издаётся с 2005 года

Омск

2011

УДК 930.1
ББК Т1(2)6
М630

Рекомендовано к изданию редакционно-издательским советом ОмГУ

Рецензент:

д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой специальных исторических дисциплин
и документоведения исторического факультета Южного федерального
университета (г. Ростов-на-Дону) *Н.А. Мининков*

Редакционная коллегия:

д-р ист. наук, проф. *В.П. Корзун* (отв. ред.), канд. ист. наук, доц. *С.П. Бычков* (отв. ред.),
д-р ист. наук, проф. *Н.Н. Алеврас*, д-р ист. наук, проф. *А.В. Антощенко*,
д-р ист. наук, проф. *В.Г. Рыженко*, д-р ист. наук, проф. *Г.П. Мясков*,
канд. ист. наук, доц. *А.В. Свешников*, канд. ист. наук *М.А. Мамонтова*,
доц. *О.В. Кузнецова*, магистр истории *Н.А. Коновалова*

М630   **Мир историка: историографический сборник / под ред.**
В.П. Корзун, С.П. Бычкова. – Вып. 7. – Омск: Изд-во Ом. гос.
ун-та, 2011. – 500 с.

ISBN 978-5-7779-1325-8

Сборник посвящен датам, связанным с жизнью и деятельностью корифея отечественной исторической науки – Василия Осиповича Ключевского (1841–1911): 170-летию со дня рождения и 100-летию со дня кончины. Отдавая дань выдающемуся историку, публикуются статьи и документы, связанные с его научным творчеством и семейным окружением. Это обусловило и раскрытие в других разделах сборника ряда сопутствующих проблем функционирования историко-научного сообщества: влияние учителей на траектории жизненного пути и успехи учеников в науке, проблему коллективного и индивидуального в научном творчестве в широкой взаимосвязи политических, социальных, научных и личных контекстов.

Традиционной для сборника является проблема коммуникаций научного сообщества во всем их многообразии. Отдельный раздел посвящен корпоративной памяти исторического сообщества, особенностям ее формирования и трансляции в научной и общественной среде. Исследуются и проблемы теоретико-методологического характера современной истории, философии истории, историографии, науковедения.

Раздел публикации документов представлен материалами, включающими переписку, дневниковые записи, рецензии историков.

Для историков, историографов, науковедов, культурологов и всех интересующихся миром творца исторического знания

УДК 930.1
ББК Т1(2)6

*Издание осуществлено в рамках Федеральной целевой программы
«Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009–2013 гг.»,
государственный контракт № 02.740.11.0350*

ISBN 978-5-7779-1325-8

© ФГБОУ ВПО «Омский госуниверситет
им. Ф.М. Достоевского», 2011

© Общество интеллектуальной истории, 2011

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ	6
Раздел 1. В.О. КЛЮЧЕВСКИЙ. ВЕК И ЛИЧНОСТЬ УЧЕНОГО. СЕМЬЯ И БЫТ	11
<i>Бычков С.П.</i> В.О. Ключевский и Е.Е. Голубинский. Общие черты социально-психологического и научного облика.....	11
<i>Воробьёва И.Г.</i> Оппонент В.О. Ключевского Н.А. Попов	23
<i>Богомазова О.В.</i> «Маленький сын большого отца»: фрагменты к биографии Б.В. Ключевского	43
Раздел 2. КУЛЬТУРА АКАДЕМИЧЕСКОГО ВОСПОМИНАНИЯ КАК СПОСОБ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ НАУЧНОГО СООБЩЕСТВА	63
<i>Савельева И.М.</i> «Уроки истории» ученой корпорации	63
<i>Вишленкова Е.А.</i> Мемориальная культура российского университета XIX века.....	81
<i>Сидорякина Т.А.</i> Жизнь после смерти: мемориальные практики в повседневной жизни научного сообщества историков первой трети XX в.	95
<i>Иващенко В.Ю., Посохов С.И.</i> Образы профессоров XIX в. в воспоминаниях преподавателей и воспитанников Харьковского университета	110
<i>Файер В.В.</i> «Слава богу, моя диссертация оказалась неудачной...»: особенности воспоминания в небольшой научной корпорации	140
<i>Уморашко К.Б.</i> Мемуары Е.И. Соловьевой: взгляд историографа.....	156
Раздел 3. МЭТРЫ И УЧЕНИКИ. ОСОБЕННОСТИ НАУЧНЫХ КОММУНИКАЦИЙ	179
<i>Скворцов А.М.</i> «Вечерние беседы» как начальный этап становления учёного в антиковедческой школе М.С. Куторги	179
<i>Свешников А.В., Степанов Б.Е.</i> Как Карсавин не «вышел в классики». К вопросу о характере и контекстах механизма классикализации в постсоветской историографии	193
<i>Григорьева Е.А., Кузнецов А.А.</i> Представители петербургской исторической школы в Горьковском педагогическом институте (проблема адаптации традиций исторических школ в советском образовании 1930–1950-х гг.).....	205

<i>Камынин В.Д.</i> Субъективные заметки о становлении ученого-историографа и методах его руководства историко-научным коллективом: к 90-летию Олега Андреевича Васьковского (1922–1995)	224
<i>Колесник И.И.</i> Научная школа: сетевая модель в украинском контексте.....	253

Раздел 4. СООТНОШЕНИЕ ИНДИВИДУАЛЬНОГО И КОЛЛЕКТИВНОГО В ТВОРЧЕСТВЕ ИСТОРИКА. УСЛОВИЯ НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ .....

<i>Могильницкий Б.Г.</i> Творческая лаборатория историка: дихотомия индивидуального и коллективного начал в его деятельности.....	284
<i>Базанов М.А.</i> Предыстория обсуждения книги А.А. Зимина «Слово о полку Игореве»: опыт реконструкции событий.....	301
<i>Соскин В.Л.</i> О написании «Истории Сибири» (глава из книги).....	330
<i>Колеватов Д.М., Согонова Е.Ю.</i> Инструктивно-регулирующая деятельность ВАК: трансляция и закрепление нормативных рамок научного исследования в советский период.....	356

Раздел 5. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И ФИЛОСОФСКИЕ ПОИСКИ СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ .....

<i>Чеканцева З.А.</i> История ментальностей и интеллектуальный пейзаж XX века	370
<i>Поласик-Вжозек Каролина.</i> О воплощении антропологии в историческом исследовании	382
<i>Вернер В.</i> От истории наций к истории личности. Эволюция историографии с точки зрения «Несвоевременных размышлений (О пользе и вреде истории для жизни)» Ницше	390

Раздел 6. ПРЕЗЕНТАЦИЯ СОВРЕМЕННЫХ НАУЧНЫХ ИЗДАНИЙ.....

<i>Журба О.И.</i> «Дніпропетровський історико-археографічний збірник» и его историографическая среда	413
--	-----

Раздел 7. ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ.....

<i>Гришина Н.В.</i> Дневник Бориса Ключевского (к публикации фрагментов источника).....	434
<i>Борис Васильевич Ключевский.</i> Дневниковые записи за 1897, 1901, 1902 гг.	438
<i>Богомазова О.В.</i> «При Вашем сердце ко мне...» (к публикации письма Б.В. Ключевского А.И. Яковлеву).....	445
<i>Письмо Б.В. Ключевского к историку А.И. Яковлеву (1936 г.) .....</i>	447

<i>Корзун В.П.</i> Учитель–ученик: последние письма (В.О. Ключевский и П.Н. Милюков)	453
П.Н. Милюков – В.О. Ключевскому	456
В.О. Ключевский – П.Н. Милюкову	456
<i>Волошина В.Ю.</i> А.А. Кизеветтер о роли университетской профессуры в культурной жизни страны	457
Кизеветтер А.А. Московский университет и его традиции. Роль Московского Университета в культурной жизни России. Прага, б/и, 1927, с. 15–18	458
<i>Антощенко А.В.</i> «Считаю долгом выразить Вам свою искреннейшую благодарность за неизменную любезность и энергическую поддержку» (письма П.Г. Виноградова редактору ЖМНП Л.Н. Майкову)	461
Письма П.Г. Виноградова Л.Н. Майкову	462
<i>Ковалёв М.В.</i> «Многоуважаемый Профессор Антоний Васильевич!» (к публикации писем С.Г. Пушкирева к А.В. Флоровскому)	486
Письма С.Г. Пушкирева А.В. Флоровскому	487
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	496
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	497

Научная школа: сетевая модель в украинском контексте

Концепт «научная школа» в историографии

Научная школа — понятие классической науки и для большинства исследователей означает «объективную данность», «исследовательскую матрицу». В современной украинской историографии бытует позитивистское понимание научной школы. Историческая школа, считает Л. Винар, имеет, кроме руководителя и учеников, свою организационную структуру (университеты, научные общества, академии наук); общие для основоположника школы и его учеников историографические концепции; единые методологические основания; научные издания (журналы, научные сборники); специфическую региональную тематику¹.

Концепт «научная школа» воспринимают и как метод исследования, «идеальный тип», с помощью которого описывают конкретные историографические факты и явления. По мнению Г. Мерникова, основными чертами научной школы являются: 1) связь учитель/ученики; 2) механизм «здоровая конкуренция, интеллектуальная борьба за первенство»; 3) реальная эффективность деятельности школы, что реализуется в новом видении проблемы; 4) перспективы дальнейшего развития школы, если конфликт поколений приводит к появлению новой научной школы, то это свидетельствует о «прогрессивном характере школы предшественницы»². Безусловно, концепт «научная школа» служит средством

© И.И. Колесник, 2011

---

¹ Винар Л. Найвидатніший історик України Михайло Грушевський (1866–1934) // Винар Л. Силуети епох. Дрогобич, 1992. С. 117–118.

² Мерников Г.І. Риси наукової школи в українській історіографії другої половини ХІХ століття // Дніпропетровський історико-археологічний збірник. Вип. 1. На пошану професора Миколи Павловича Ковальського. Дніпропетровськ, 1997. С. 334, 343–344.

³ Осторумное решение вопроса о соотношении понятия «школа» и «направление» предлагает С.И. Михальченко: там, «где понятию "школа" предшествует определение, это понятие часто без изменения смысла можно заменить терми-

профессиональной самоидентификации конкретной группы исследователей, разных генераций, объединенных вокруг некоей организационной структуры (кафедры, журнала, научного центра, «незримого колледжа», идеи-проекта), имеющих общую проблематику, единый методологический инструментарий и родственные практики концептуализации.

Постмодернистская концепция научной школы предполагает деконструкцию дидактической вертикали учитель/ученики. Классическая концепция научной школы, полагает В. Ващенко, является анахронизмом, так как выступает «социальной проекцией тех строго иерархизированных типов общества, порядок в которых создавался символикой отца-патриарха (Российская, Австро-Венгерская империи, СССР)», и репродуцирует тем самым «модели патриархатной власти и ценности тоталитарного сознания»⁴. Деконструкция дидактической связки учитель/ученики означает перенос акцента с фигуры «руководителя школы» на ее рядовых репрезентантов, что актуализирует «обратную связь», идущую от «низов» к руководителю научной школы. Демонтаж властной модели, базирующейся на отношениях субординации, в пользу горизонтальной обеспечивает отношения координации. Приоритетными в таком случае, утверждает В. Ващенко, должны стать коммуникации между самими учениками в виду того, что «интенсивность научной коммуникации (скорость оборачивания информации) по горизонтали (между учениками) часто превышает ее интенсивность по вертикали (с руководителем)». И соответственно «объем переданной научной информации через этот канал коммуникации остается решающим при формировании интеллектуального поля самой школы».

Идея интенсивности «горизонтальных связей» опирается на концепт «научные генерации». Дидактическая ось учитель/ученики представляет два разных поколения: «старшее-авторитетное»

ном "направление" (государственная школа – государственное направление)». *Михальченко С.И.* О критериях понятия «школа» в историографии // *Исторична наука на порозі ХХІ століття: підсумки та перспективи.* Х., 1995. С. 57.

⁴ *Ващенко В.В.* Стратегії деконструкції концепції «наукова школа» в українській історіографії: між 'організованою комунікацією' та 'комунікаційним розривом' // *Історіографічні та джерелознавчі проблеми історії України. Теорія. Методика. Практика.* Дн-ськ, 2009. С. 170–183.

(руководитель) и «младшее-подчиненное» (ученики). Существуют также и две модели взаимодействия старшего и младшего поколений. «Кумулятивные эпохи» характеризуются «солидаризмом поколений», т. е. преемственностью традиций своих предшественников, благодарно-почтительным отношением младшей генерации к полученному наследию. Другой тип межпоколенческих взаимоотношений присущ так называемой эпохе отрицания и отмечен «борьбой поколений, в ходе которой младшее поколение отрицает достижения и ценности старшего».

В науке встречаются два типа младших поколений: 1) поколения, бунтующие против предыдущих научных генераций; 2) поколения, которые с благодарностью принимают наследие «от учителей» и аккумулируют знания. Согласно коммуникационной теории: 1) коммуникация в пределах одной генерации отличается большей интенсивностью, нежели передача информации по вертикали между старшей и младшей генерациями; 2) каждая генерация создает свои способы кодирования информации, т. е. научный язык, инструмент общения. Как следствие возникает проблема понимания между генерациями, что может спровоцировать «разрывы», «научные революции», «перевороты». Доминирование горизонтальных связей приводит к отрицанию самой идеи научной школы, которая традиционно основывается на иерархической вертикали отношений. Если руководитель и его последователи принадлежат к разным научным генерациям, то это создает «потенциальное поле» напряжения, непонимания, «зафиксированное в научных языках», что и «представляет опасность для иерархической структуры власти в научных школах». В украинской историографии, по утверждению В. Ващенко, преобладает дидактическая ось учитель/ученики как «продукт христианской цивилизации», которая возвышает «лидера школы за счет его последователей». Такой аксиологический ракурс позволяет расценивать появление школ не как «период расцвета исторической науки, а как стадию эпигонства и регресса», когда разработанная «талантливым лидером живая плоть научной программы превращается в трухлявый скелет писаний его менее одаренных последователей»⁵. На

---

⁵ Ващенко В.В. Стратегії деконструкції концепцій... С. 170–183.

проблему научных школ В. Ващенко предлагает посмотреть и с позиций традициологии. Формирование традиций начинается сверху, через механизм принуждения, когда традиция сознательно конструируется и навязывается теми, кто имеет власть и интеллектуальное влияние. Именно отцы-основатели школ занимались конструированием историографической традиции и своей интеллектуальной генеалогии. Так, Грушевский, по мнению В. Ващенко, отказавшись от «самопрезентации через историографическую традицию, идущую от В. Антоновича, причислял себя к историографической традиции во главе с А. Лазаревским» (с именем которого, не связывалась ни одна школа). Вписыванием же Грушевского в школу Антоновича, украинская историография была обязана усилиям Д. Багалея.

Научную школу можно рассматривать и под углом зрения сетевой теории. Принцип «сети» означает объединение ранее разрозненных элементов в бесшовную структуру элементов, между которыми постоянно происходит обмен информацией. Создание сетей служит новой моделью изучения истории исторической науки, смысловыми узлами которой выступают: 1) культурный капитал (производство идей, теорий, методов); 2) институциональный капитал (университеты, кафедры, академические институты, научные общества, журналы, научные степени, ученые звания, должности, чины, ранги); 3) пространство межличностных коммуникаций историков, где место каждого определяется его сетевой позицией в корпоративном сообществе, т. е. интенсивностью контактов и скоростью оборачивания культурного капитала. С точки зрения перспективы сетевой теории науки академическая школа — это подвижная, динамичная структура потоков информации и коммуникаций. Научная школа как бы пронизана линиями вертикальных (учитель-ученики) и горизонтальных (партнеры по интересам, представители одной научной генерации) связей, при этом важным компонентом выступает структурное соперничество (конфликт, конкуренция, борьба за интеллектуальное первенство внутри генерации, группы). Точками центрации сетевой модели школы являются: 1) сфера идеологии (язык, коммуникационные коды, методы, средства концептуализации и проблематизации); 2) институциональная организация (кафедра, журналы, идеи-проекты);

3) межличностные отношения (интеллектуальные, административно-корпоративные, приятельские, семейно-родственные связи между представителями школы)⁶. С позиций сетевой модели символическая власть лидера школы не ограничивается собственной харизмой, а измеряется способностью мобилизовать последователей и превратить их в «сеть агентов», словом, определяющим фактором школы выступают межличностные отношения (Ниило Кауппи)⁷. По мнению Бернара Лепти, научная школа вырастает из «пространства индивидуального опыта» т. е. сети взаимодействия индивидов.

В литературе по схолярной тематике существует мнение, что «школьность» (принадлежность к определенной школе) и «индивидуализм в творчестве ученого» представляют базовые траектории его движения и как ученого, и как человека конкретной эпохи. Реконструкция жизнедеятельности научного сообщества и его отдельных членов создает дополнительные возможности для осознания внутренних коммуникаций, что ставит схолярную проблематику на границе антропологической историографии и сетевого анализа. В условиях информационного общества верх возьмут «структуры», считает Г.П. Мягков, ссылаясь на М. Кастельса, так как сети представляют новую морфологию нашего общества⁸.

Составляющей сетевой модели школы является схолярная идентичность ученого, которая служит маркером его профессионализма, признаком саморефлексии. Каждый исследователь, историк в том числе, стремится осознать свою принадлежность к определенной профессиональной субкультуре, научной школе.

---

⁶ Колесник І. Мережева модель науки (новий проект української історіографії?) // Ейдос. Альманах теорії та історії історичної науки. Вип. 4. К., 2009. С. 54–85.

⁷ Кауппи Ниило. Социолог как моралист: практика теории у Пьера Бурдьё и французская интеллектуальная традиция // Новое литературное обозрение. 2000. № 45. URL: <http://magazines.russ/nlo/2000/45/kauppi.htm>.

⁸ Мягков Г.П. Научная школа на перекрестке «структуры» и воли // Политические и интеллектуальные сообщества в сравнительной перспективе: мат-лы науч. конф. М., 2007. С. 96, 98; *Его же*. Научное сообщество в исторической науке: опыт «русской исторической школы». Казань, 2000.

Школы в украинской академической историографии

Появление разветвленных сетей коммуникаций историков отражает процессы институционализации украинской исторической науки во 2-й половине XIX в. Коммуникативные сети формировались по вертикали (учитель/ученики) и горизонтали, как альянсы интеллектуалов одной генерации. Первая по времени сеть интеллектуальных коммуникаций возникает вокруг профессора Киевского университета В. Антоновича. Узловая точка сети – идеология школы, в центре которой находилась научная программа территориально-областных исследований украинских земель-территорий, реализованная в серии «областных монографий». Вариативность названия школы В. Антоновича: школа киевских документалистов (Л. Винар), школа областных исследований (А. Оглоблин), отражает ценности и исследовательские приоритеты школы. С одной стороны, это позитивное знание, источниково-архивная работа, с другой – идея единства (соборности) украинских земель. И документализм, и областничество школы Антоновича полностью вписывались в позитивистский дискурс как этап становления украинского исторического нарратива. Институционально школа формировалась на базе кафедры истории Киевского университета, возглавляемой на протяжении десятилетий В. Антоновичем. Через него вертикальная линия интеллектуальных связей тянулась к П. Костомарову (1840-е гг.) и глубже – к М. Максимовичу (1830-е гг.), который и был фактическим основателем кафедры.

Самый старший ученик Антоновича Д. Багалей и П. Голубовский писали историю Северной земли (1882), М. Грушевский – историю Киевской земли, столичного княжого Киева (1892), О. Андриевский и П. Иванов – историю Волынской земли, В. Ляскоронский – историю Переяславской земли (1897), А. Грушевский – историю Турово-Пинского княжества (1901), М. Довнар-Запольский – историю Кривической и Дреговической земель, (1891), В. Данилевич – историю Полоцкой земли (1886), М. Дашкевич и И. Линниченко – исследование по истории Галицкой земли. Такую модель школы Антоновича предложил А. Оглоблин⁹. Органи-

⁹ Оглоблин О. Володимир Антонович та його історична школа // Студії з історії України: статті і джерельні матеріали. Нью-Йорк, Київ, Торонто, 1995. С. 206.

зационной основой школы являлась Археографическая комиссия, секретарем и редактором изданий которой (АЮЗР) был В. Антонович в 1863–1880-х гг.

Межличностные отношения в рамках школы Антоновича имели патриархатный характер: учитель/отец и ученики/сыновья. Харизма Антоновича способствовала формированию властной модели школы в виде сети-«колеса» с сильным лидером в центре. На рубеже XIX – начала XX вв. ученики Антоновича составляли элиту украинской исторической науки. Невидимыми нитями вертикальных и горизонтальных контактов школа Антоновича была связана с другими группами коммуникантов – школой Д. Багалея и школой М. Грушевского. Университетская школа в Киеве во главе с Антоновичем была признана и российскими коллегами (П. Струве). Школа как сеть коммуникаций предполагает постоянное перетекание информации, идей, традиций, кадров из одной сети в другую. Так, бывшие ученики В. Антоновича – В. Щербина, В. Ляскоронский, Л. Добровольский, К. Мельник-Антонович, А. Грушевский – как сотрудники академических учреждений с середины 1920-х гг. принадлежали к школе-сети М. Грушевского. Сам М. Грушевский унаследовал от своего учителя В. Антоновича высокую источниковедческую культуру, вкус к социальной истории, отдельные концептуальные идеи (о мессианской роли казачества в украинской истории). Отношения между старшей и младшей генерациями школы складывались по-разному. Большинство учеников Антоновича солидаризовались с учителем, с благодарностью воспринимали и ценили полученное идейное наследие. Впрочем, были и бунтари, как М. Грушевский, который не признавал «солидаризм» с лидером и сознательно конструировал свою научную генеалогию от А. Лазаревского. Таким маневром Грушевский отрицал достижения и ценности «отеческой генерации», создавая другие средства кодирования информации – свою историческую идеологию и круг учеников-последователей. В лице М. Грушевского как представителя младшего поколения школы Антоновича произошел коммуникационный разрыв по вертикали (учитель/ученики). От эмпиризма и фактографизма предшествовавшего поколения учителей он осознанно переходит к процедурам проблематизации и концептуализации в украинской историографии.

Наиболее сложную и разветвленную коммуникативную сеть в украинской науке представляла историческая школа самого М. Грушевского. Семантика имени школы отражает специфику идеологии, организационную статусность и рецепцию ее в корпоративной среде и общественной мысли: галицкая школа историков Украины (Д. Багалея), научная школа украинских историков во Львове (А. Оглоблин), историческая школа Грушевского (М. Чубатый), историческая школа Антоновича–Грушевского (О. Домбровский), историческая школа М. Грушевского во Львове, историческая киевская школа Грушевского, школа национальной историографии Грушевского, всеукраинская школа украинской национальной историографии, историографическая школа Грушевского¹⁰.

Ситуацию коммуникационного разрыва характеризует различие между научными программами школы Антоновича и школы Грушевского. По Л. Винару программа порайонного территориально-регионального исследования Украины М. Грушевского не являлась простым продолжением программы «областного» исследования его учителя Антоновича, она охватывала территориальными исследованиями все украинские земли, в т. ч. Южную Украину, Закарпатье и Галицию.

Мощной оказалась институциональная сеть школы Грушевского. Л. Винар реконструирует структуру школы с четкими хронологическими рамками: это львовская (1894–1913) и киевская (1924–1931) школы Грушевского, которые в свою очередь делились на более мелкие субпериоды – львовско-киевскую школу (1908–1914) и новую киевскую школу. Ядро львовской школы М. Грушевского составляли его ученики: М. Кордуба, С. Томашевский, Д. Коренец, В. Гарасимчук, С. Рудницкий, И. Джиджора, О. Терлецкий, Б. Барвинский, И. Кревецкий, И. Крипьякевич, М. Чубатый, Б. Бучинский, группировавшиеся вокруг возглавляемой им кафедры истории во Львовском университете, НТШ (Научном обществе им. Т.Г. Шевченко) и периодических изданий (ЗНТШ, Літературно-науковий вісник), редактируемых Грушевским, а также УНТ (Украинское научное общество) с 1907 г. в Киеве.

---

¹⁰ Винар Л. Найвидатніший історик України Михайло Грушевський (1866–1934). С. 117.

Новая киевская школа функционировала как разветвленная сеть академических институций Грушевского, имевших свою иерархию. Историческая секция ВУАН во главе с Грушевским состояла из ряда научно-исследовательских комиссий, сотрудниками которых были его ученики и коллеги-единомышленники: 1) Комиссия Киева и Правобережной Украины; 2) Комиссия Левобережья и Слобожанщины; 3) Комиссия Степной (Южной) Украины; 4) Комиссия исторического песнетворчества; 5) Комиссия новой истории Украины; 6) Комиссия истории казачества; 7) Комиссия украинской историографии; 8) Археографическая комиссия. Этот ряд комиссий и формировал организационно-тематическую структуру исторической школы Грушевского

Сеть учреждений Грушевского в составе ВУАН включала научно-исследовательскую кафедру, ориентированную на подготовку новой генерации историков и выполнение научной программы лидера и имевшую свою субструктуру. Научно-исследовательская кафедра Грушевского состояла из: 1) секции методологии и социального структурирования истории; 2) секции социально-экономической и политической истории; 3) историко-культурной секции, разделенной на две подсекции – а) материальной культуры, б) духовной культуры. При кафедре с 1925 г. функционировал Кабинет примитивной культуры, которым руководила Катерина Грушевская. Составной частью новой киевской школы являлись ее фундаментальные издательские проекты: журнал «Україна», серийные издания «Науковий збірник історичної секції УАН», «За сто літ» (6 кн.), «Студії з історії України» (3 тт.), «Записки історико-філологічного відділу Української Академії наук. Праці історичної секції» (5 тт.), «Український археографічний збірник» (3 тт.) и др.¹¹

Новая киевская школа была представлена тремя генерациями. К старшей принадлежали А. Грушевский, В. Данилевич, В. Щербина, Л. Добровольский. В. Ляскоронский, П. Клименко, которые занимали ключевые посты в академических структурах М. Грушевского. Ядро же новой киевской школы М. Грушевского составляли его ученики, аспиранты научно-исследовательской

Винар Л. Найвидатніший історик України Михайло Грушевський (1866–1934). С. 128–129.

кафедры: К. Антипович, П. Глядковский, В. Евфимовский, О. Баранович, С. Глушко, М. Карачковский, В. Игнатиенко, И. Мандзюк, Д. Кравцов, О. Степанишина, М. Ткаченко, С. Шамрай, В. Юркевич, П. Нечипоренко, К. Лазаревская. П. Кияница, О. Павлик, М. Жуковская.

Важный узел школы представляли межличностные коммуникации. Сетевая структура школы львовского и киевского периодов имела патриархатный характер. Стиль руководства Грушевского – типично авторитарный, в отличие от «отеческого» его учителя Антоновича. Харизма Грушевского-лидера превращала аморфную совокупность учеников и сотрудников в строго иерархичную структуру, особенно на примере новой киевской школы. В центре коммуникативного поля находился лидер школы, в его ближайшее окружение входили родственники, брат А. Грушевский, дочь К. Грушевская, сестра и племянник А. и С. Шамрай, а также Ф. Савченко – «правая рука» Грушевского, обеспечивающий условия взаимодействия школы с властью, и О. Гермайзе – «левая рука», в компетенцию которого входила внутренняя деятельность школы в системе ВУАН. На более дальней орбите находились сотрудники Грушевского, принадлежащие одному с ним поколению «учеников Антоновича». Ядерную группу образовывали представители младшей генерации, которые с благодарностью принимали научный багаж предшественников, признавали безоговорочный авторитет и верховенство руководителя. Однако солидарность с «отеческим поколением» не исключала интеллектуальной борьбы за первенство и конкуренцию внутри младшей генерации. Так, для львовской школы Грушевского характерны конфликты между учителем и учениками (случай С. Томашевского) и с галицкой общественностью. На самой дальней орбите окружения Грушевского оставались бывшие представители его львовской школы И. Крипякевич, М. Кордуба, В. Гарасимчук, В. Гнатюк, М. Возняк. Ф. Колесса, К. Студинский, сотрудничавшие с институциями Грушевского в составе ВУАН.

Характерные черты школы Грушевского – это жесткая дидактическая вертикаль учитель/ученики, авторитарный стиль руководства, строго иерархическая структура, схолярная идентичность, психологическая солидарность, наличие специфических интерактивных ритуалов. Вместе с тем между львовской и киевской

школами Грушевського имелись существенные различия. Львовская школа была сосредоточена на историко-хронологических курсах, т. е. изучении разных периодов (Киевская эпоха, Средневековье, Руина, Гетманщина) и региональном сегменте украинской истории. В трудах же киевской школы внимание фокусировалось на пространственно-территориальных факторах, известно, что новая территориально-региональная программа Грушевського охватывала практически все территории и периоды истории Украины. Различия между львовской и киевской школами Грушевського объяснялись особенностями их организации и статусностью. Если львовско-галицкая школа напоминала «мастерскую», которая должна была помогать учителю в «его грандиозном труде» и идеологически не всегда следовала за ним (Б. Крупницкий)¹², то созданный Грушевським центр в структурах ВУАН представлял собой «послушно-зависимый» круг учеников, «тесно объединенных не только организационной замкнутостью, но и единством идеологии, полностью подчиненный идеологично-политическим концепциям своего руководителя» (Л. Окиншевич)¹³. В отличие от львовской школы, для которой характерны лояльные взаимоотношения внутри младшей генерации, научное вольнодумство и организационная фронда, новая киевская школа представляла собой властную модель, в центре которой находилась личность харизматического лидера, а выстроенная им иерархическая вертикаль отличалась корпоративной замкнутостью, субординацией, строгой дисциплиной и разделением ролей: руководитель – исполнители – технический персонал.

Таким образом, украинская историческая наука конца XIX – начала XX в. представляла собой сеть научных кружков, школ, центров, пронизанных вертикальными и горизонтальными линиями коммуникаций историков. Например, научная школа Д. Багалія изучалась сквозь призму ее институциональных форм – научно-исследовательскую кафедру истории украинской культуры (1921–1934)¹⁴. Элементами сетевой структуры украинской истори-

---

¹² Винар Л. Найвидатніший історик України Михайло Грушевський (1866–1934). С. 161.

¹³ Там же. С. 153.

¹⁴ Богдашина О. М. Діяльність Харківської науково-дослідної кафедри історії української культури ім. академіка Д. І. Багалія. Харків, 1994.

ческой науки являлись научно-исследовательская кафедра Н. Василенко при Киевском ИНО (Институт народного образования)¹⁵, кружок А. Оглоблина по изучению экономической истории, который со временем трансформировался в школу Оглоблина¹⁶.

Днепропетровский культурно-интеллектуальный феномен

В советский период вследствие чрезмерной политизации и идеологизации исторической науки, унификации научного труда и характера мышления историка, схолярная традиция в украинской историографии практически замирает. В условиях интеллектуальной несвободы, двойной самоцензуры украинско-советского историка, скованного страхом обвинений в «буржуазном национализме», существование научной школы являлось скорее исключением, чем нормой в организации научной жизни. Подобным исключением стал Днепропетровский университет, на базе исторического факультета которого в 1970–1990-х гг. оформился и функционировал самодостаточный научно-педагогический центр.

О Днепропетровской научной школе заговорили на рубеже 1990–2000-х гг., когда стали заметны ее результаты и влияние в исторической науке современной Украины. Речь шла об академической школе профессора Н. Ковальского, которая «занималась ранней новой историей с акцентом на источниковедческие исследования». Чаще стали вспоминать имя профессора В. Подгаецкого как «промоутера» новых количественных методов в историческом исследовании¹⁷. Академик Я. Исаевич по поводу Днепропетровской школы писал: «Я. Грицак считает, что в университетах Украины советского периода возникла только одна научная школа историков – Н. Ковальского в Днепропетровске». Данный факт сам Я. Исаевич объяснял тем, что Днепропетровский университет имел «больше прав и возможностей», так как был «подчинен московскому министерству не через киевское, а непосредственно». Прямая «зависимость от Москвы», по утверждению академика,

---

¹⁵ *Ульяновський В.І.* Науково-дослідна кафедра історії України академіка М.П. Василенка: нові матеріали // *Україніса: архівні студії*. Вип. 1. К., 1999.

¹⁶ *Верба І.* Наукова школа українських істориків Олександра Оглоблина у Києві // *Історична наука на порозі ХХІ століття*. Харків, 1995.

¹⁷ *Грицак Я.* Українська історіографія 1991–2001: десятиліття змін // *Україна Модерна*. 2005. Ч. 9. С. 45 (посилання 11).

«давала, в частности, большую самостоятельность в финансировании». Вместе с тем факт создания школы Я. Исаевич, объяснял не столько «организационной связью с Москвой», сколько особенностями «личности профессора Николая Ковальского», его высоким авторитетом ученого и «личными контактами с украинскими и московскими академическими кругами». Единственное преимущество Днепропетровского университета Я. Исаевич усматривал в имеющейся возможности «печатать труды в собственном издательстве»¹⁸.

Однако заметим, что Днепропетровский культурно-интеллектуальный феномен шире понятия «школа». Парадоксально, но в эпоху застоя, на периферии, в «историографической глуши», в ситуации сплошной русификации и идеологизации украинской исторической науки и культуры, был создан центр украиноведческих студий усилиями Н. Ковальского (1929–2006), в фокусе внимания которого оказалась история Украины XV–XVIII вв. Параллельно с украинской проблематикой на кафедре историографии и источниковедения Днепропетровского университета (основана в 1972 г.) возникает и постоянно растет интерес к историографическим сюжетам, позднее начинается изучение количественных методов в истории. Днепропетровский культурно-интеллектуальный центр становится настоящим островком исторического вольномыслия, отличается демократическим стилем общения, разнообразием исследовательских практик, присутствием ярких личностей. Сообщество днепропетровских историков было пронизано вертикальными и горизонтальными линиями коммуникаций, способствовавших быстрому оборачиванию культурного капитала и обмену эмоциональной энергией (состояние творческого подъема, вдохновения). Интеллектуальная взаимосвязь установилась со старшим поколением советских историков – московскими учеными А.М. Сахаровым, С.О. Шмидтом, В.А. Дунаевским, Е.В. Чистяковой, В.Е. Иллерицким, И.Д. Ковальченко, ленинградскими коллегами – А.Н. Цамутали, Ю.Д. Марголисом, Р.Г. Скрынниковым. Позднее сеть коммуникаций расширилась за счет контактов

---

¹⁸ *Исаєвич Я.* Українська історична наука: організаційна структура і міжнародні контакти // *Українська історіографія на зламі XX–XXI століть: здобутки і проблеми* / За ред. Л. Зашкільняка. Львів, 2004. С. 10.

с историками Польши, США, Канады. В Днепропетровском университете на базе кафедры историографии и источниковедения были проведены масштабные научные форумы – Всесоюзная конференция по источниковедению (1983) и историографии (1984), участниками которых были А.Я. Гуревич, Н.Я. Эйдельман, С.О. Шмидт, И.Д. Ковальченко, А.Г. Тартаковский, Л.Е. Кертман и мн. др.

Специфической чертой днепропетровского научного сообщества являлось органическое соединение источниковедческо-библиографических и теоретико-методологических практик, продуктивное соперничество-сотрудничество между источниковедами, «новыми источниковедами»-клиометристами и собственно историографами, которые вместе дополняли и обогащали друг друга. Характерной чертой днепропетровского сообщества историков была интеллектуальная мобильность, открытость к новому, высокие стандарты профессионализма, творческая атмосфера, импровизированные дискуссии. В конце 1980-х – начале 1990-х гг. на истфаке ДГУ появилась целая плеяда докторов наук, успешно защитили докторские диссертации в Москве – Н. Ковальский, А. Болебрух, В. Калашников, С. Плохий, И. Колесник, В. Подгаецкий, в Киеве – В. Иваненко, И. Ковалева, А. Швыдько, К. Марков.

Днепропетровский культурно-интеллектуальный феномен в профессиональном сознании ассоциируется с днепропетровской научной школой, которая выступает как нечто целое, хотя до сих пор сам феномен недостаточно осмыслен и проанализирован. Днепропетровский научный центр представлен тремя различными коммуникационными сетями, между которыми постоянно происходит обмен информацией: 1) Источниковедческая школа; 2) Школа системной методологии и количественных методов; 3) Историографическая школа.

Источниковедческая школа Николая Ковальского

Идеология школы формировалась вокруг такой легитимной в советское время темы, как освободительная война украинского народа под руководством Б. Хмельницкого. На истфаке ДГУ, вспоминал Н. Ковальский, «в сравнении с другими университетскими центрами в Украине в 70–80-х гг. сложились наиболее благоприятные условия для занятий настоящей наукой» в области истории Украины XV–XVIII вв. Впрочем, были и намеки, и об-

винения относительно украинской тематики: 1973–1975 гг. оказались «сложными с точки зрения отношения определенных сил на факультете к исследованию истории Украины, негласно наклеивались ярлыки определенного "изма", о чем не хочется говорить даже сейчас», – писал П. Ковальский в 1997 г. Когда Н. Ковальский подготовил докторскую диссертацию, то ему отказали в защите в Институте истории в Киеве формально из-за технических мелочей. Реальную причину отказа ученик Н. Ковальского профессор Гарвардского университета С. Плохий объяснял тем, что «прежняя украинская академическая элита не нуждалась и боялась докторов по украинской истории досоветского периода. И снова помогла Москва, хотя и там были недоброжелатели, защита уже признанного лидера целого научного направления успешно прошла в Московском университете в 1984 году»¹⁹.

П. Ковальский являлся основателем генеалогии своей школы – «когорты учеников и последователей». Как лидер он формулирует кредо школы: «всегда на 95 процентов занимался отечественной историей, конкретно разными аспектами истории Украины (конкретно-историческими, источниковедческими, историографическими)». Спецификой школы было изучение украинских сюжетов в источниковедческом ключе, что придавало ей особый научный шарм и ограждало от чрезмерной идеологизации. Н. Ковальский определяет собственную профессиональную идентичность как источниковеда и основателя школы, который мог бы «войти в историографию истории Украины как источниковед (который сформировался именно в Днепрпетровске и именно как представитель Днепрпетровского направления или "школы" стал известным со своими учениками-диссертантами...)), который «разрабатывает конкретно источниковедческие вопросы и их теорию-анализ и синтез». Источниковедческую доминанту школы он объясняет собственными качествами и ценностями как исследователя («заметно уважение автора к источникам, его могут осуждать за такой прагматизм, может даже фетишизацию источников, в чем до определенной степени отдаю себе отчет»), а также сложившейся историографической ситуацией в советской науке (ко-

---

¹⁹ *Плохий С.* Життєва місія Миколи Ковальського // *Дзеркало тижня*. 2006. № 43.

гда «заметно было пренебрежение или чисто иллюстративное использование исторических источников, что фактически отбрасывало украинскую историографию с 30-х гг. и до нашего времени не менее чем на 60 лет»). Н. Ковальский анализирует недостатки и состояние украинско-советского источниковедения, на фоне которого происходило становление школы: «утрачены были темпы, профессионализм, квалификация, даже сам "вкус" к источниковому фундаменту, эвристике, комплексному подходу, теории источниковедения и источниковедческому анализу»¹.

Институционально школа Н. Ковальского начала формироваться на базе кафедры историографии и источниковедения ДГУ и прошла следующие стадии эволюции: 1) 1972–1978 гг.; 2) 1978–1994 гг.; 3) 1994–2006 гг. Начальная фаза связана с определением тематики и украинских приоритетов. Деятельность школы началась с подготовки серии диссертаций под руководством Н. Ковальского. Диссертационное исследование В. Якунина было посвящено борьбе М. Покровского против дворянско-буржуазной и мелкобуржуазной историографии, А. Болебруха – борьбе российского самодержавия против передовой общественно-политической мысли во второй половине XVIII в., Ю. Мыщыка – анализу «Кройники» Ф. Софоновича как историческому и источнику, и памятнику украинской историографии XVII в., М. Кучернюка – источникам по истории российско-украинских связей в период освободительной войны украинского народа (1648–1654), К. Маркова – борьбе ФРГ против «восточной политики» правительства СДПГ. Как видим, перечень тем отражает не только классовое сознание науки того времени, но и то, как украинские сюжеты постепенно входили в поле интересов школы.

На следующем этапе институционализации школы ситуация решительно меняется в пользу украиноведческой тематики, формируется научная программа, активизируются источниковедческие практики, возникает интерес к теории и историографии источниковедения, исторической урбанистике и биографистике. Школа Н. Ковальского представлена растущей командой аспирантов и докторантов. Так, А. Швыдько занималась советской историогра-

---

Ковальський М.П. Історик і історіографія // Дніпропетровський історико-археологічний збірник. Вип. 1. Дн-ськ. 1997. С. 16–19.

фией социально-экономического развития городов Украины в XVI–XVIII вв., С. Плохий исследовал латиноязычные произведения середины XVII в. как источник по истории освободительной войны украинского народа 1648–1654 гг., Ю. Князьков – Украинский хронограф как источник отечественной истории, И. Кику – положение крестьян Волыни XVII в. по актовым книгам, Ю. Назаренко – историографию истории освободительной войны украинского народа 1648–1654 гг. и воссоединения Украины с Россией, С. Абросимова – Литовскую метрику как источник по истории городов Украины первой половины XVII в., Л. Литовченко рассматривала творчество И.Е. Забелина, О. Журба – деятельность Киевской археографической комиссии, Г. Виноградов – анализировал источники по истории цехового ремесла Украины XVI – первой половины XVII в., В. Атаманенко – положение крестьянства Волыни второй половины XVI в. по материалам Луцкого городского правительства, В. Брехуненко – источники о связях запорожского и донского казачества в первой половине XVII в., П. Кулаковский – Русскую (Волынскую) метрику (1569–1673 гг.) как источник по истории Киевского и Брацлавского воеводств, О. Дячок – «Хронику Европейской Сарматии» А. Гванини, П. Ченцова – документы Коша Новой Запорожской Сечи как источник по истории Екатеринославщины, Ю. Святец – массовые источники по истории крестьянских хозяйств Украины в годы НЭПа, А. Удод – деятельность К. Гуслистого как историка Украины. Н. Ковальский выступал и в качестве редактора кафедрального сборника «Историографические и источниковедческие проблемы истории Украины и России», организатора всесоюзных конференций по источниковедению (1983) и историографии (именно он предложил И.Д. Ковальченко провести конференцию в Днепропетровске в 1984 г.). Совершенно очевидно, что на втором этапе существования школы преобладала украинская проблематика с источниковедческими акцентами, сформировалось ядро учеников и последователей, профессионально подготовленных историков, которые со временем будут задавать тон в украинской исторической науке.

Последний период школы (днепропетровско-острожский) связан с переездом Н. Ковальского в свой родной Острог, где он принял активное участие в становлении Острожской академии.

Организационный центр школы переместился в Острог, куда вслед за учителем переехали его аспиранты (А. и В. Атаманенко, П. Кулаковский) и часто навещали днепропетровские коллеги и ученики. Это был период творческих рефлексий, подведения итогов, раздумий и памяти о своих предшественниках-учителях, творческое наследие которых становится предметом изучения новой генерации его учеников (В. Воронов подготовил диссертацию о наследии А. Лазаревского в области археографии, источниковедения и историографии. А. Хведась – о состоянии краеведческих музеев в Западной Украине в конце XIX – первой половине XX в., А. Атаманенко – о Д.Н. Бантиш-Каменском – историке, В. Яремчук – о творчестве Я.П. Кися, В. Павлюк – по истории шляхетских семей Волины в XIX в., В. Дячок – по источникам об Устиме Кармалюке, М. Близняк – об историке В.А. Дядиченко²¹. Связи Н. Ковальского с ДНУ не прерывались, о чем свидетельствует совместное с профессором В. Подгаецким руководство аспирантами (Ю. Свяец, В. Воронов, И. Тарнопольская, В. Ващенко), подготовка докторантов (А. Удод).

Школа Н. Ковальского – сетевая модель-«колесо». Характер межличностных коммуникаций был патриархатный, стиль руководства демократический. «отеческий», к ученикам и сотрудникам он относился как отец к сыновьям: «На теплое, заинтересованное и всегда искреннее отношение к ученикам не влияли ни титулы, ни должности Николая Павловича, который на своем веку был и заведующим кафедрой, и деканом, и проректором»²². Для окружения Н. Ковальского характерна психологическая солидарность, вероятно, по его словам, проявлялся и «фанатизм к науке», но не было «замкнутости, чувства превосходства, нелояльности, зазнайства». Н. Ковальский признавал, что ему «удавалось сходиться с коллегами по работе», а все его аспиранты «начинали со

---

²¹ Ковальський М.П. Історик і історіографія. С. 95–96; *Его же*. Підготовка кандидатів історичних наук у Дніпропетровському державному університеті (1970–1990-ті рр.) // Історіографічні та джерелознавчі проблеми історії України. Історіографія та джерелознавство в часовому вимірі: міжвуз. зб. наук. пр. Дн-ськ, 2003. С. 11–18; Микола Павлович Ковальський. *Ad gloriam ... Ad honores ... Ad memorandum* / за ред. Г.К. Швидько. Дн-ськ, 2007.

²² Плохій С. Життєва місія Миколи Ковальського // Дзеркало тижня. 2006. № 43.

студенческой скамьи». Залогом благоприятного психологического климата, лояльных отношений с учениками и научной корпорацией сам Ковальский считал такие свои качества, как «трудолюбие, преданность делу и, правда, не всегда реализованная "любезность", определенный критицизм в отношении себя»²³. «Николай Павлович, которому всегда были чужды национальная исключительность и предвзятость, на всю жизнь сохранил добрые отношения с московскими коллегами Владимиром Дунаевским и Еленой Чистяковой, Владимиром Автократовым, Ольгой Медушевской, Анной Хорошкевич» (С. Плохий).

Как видим, школа Н. Ковальского прошла три фазы эволюции, но коммуникационного разрыва между научными поколениями не произошло, так как вертикальная коммуникация всегда преобладала над горизонтальными связями. Внутри школы отношения субординации доминировали над отношениями координации. Школу Н. Ковальского отличал солидаризм поколений, средняя и младшая поколения учеников воспринимали ценности учителя и уважительно относились к его наследию, среди интерактивных ритуалов преобладали идеалы сотрудничества. «Ученик не больше Учителя» – таков смысл и значение школы Н. Ковальского.

Школа системной методологии и количественных методов Виталия Подгаецкого

Отдельную сеть коммуникаций составляет группа источниковедов-клиометристов во главе с профессором В. Подгаецким (1951–2004). Ученик профессора В. Боршевского В. Подгаецкий прошел путь от источниковедения массовых источников через математико-статистическое моделирование исторических явлений до эпистемологии исторического познания. Его заслуга как фундаментатора и лидера школы заключалась в интерпретации и верификации новейших технологий и методов на материалах социально-экономической истории Украины 1920-х гг. В. Подгаецкий, по утверждению Л. Бородинки, заложил основы «украинской модели» исторической информатики. Важный узел сетевых отношений представляет идеология школы. Предмет исследования школы – массовые источники, количественные методы, философские ас-

---

²³ Ковальський М.П. Історик і історіографія. С. 19.

пекты исторического познания. Идейный стержень мировоззрения лидера и школы в целом представляет системная методология как подсистема методологической парадигмы источниковедения. Клиометрику В. Подгаецкий квалифицировал как реализацию «системно-модельно-знакового» исторического неопозитивизма. В его понимании мир модельной методологии предстает как ярко-образный и одновременно научно-обоснованный. В. Подгаецкий, по словам Л.О. Бородкина, «пожалуй, первый из историков Восточной Европы», активно использовал категорию «эмерджентность», которая «описывает явление приобретения сложной системой новых свойств, черт, характеристик, не присущих ни одному из входящих в нее элементов (или подсистем)». Данная категория расширяет возможности системного подхода и соединяет его с нелинейными эффектами, открытыми синергетикой²⁴.

В. Подгаецкий является автором таких формул/маркеров, как: «Аксиома И.Д. Ковальченко», что означает разработку адекватных задачам направлений и методов исследования исторической реальности; «Триада Оливии Рики», согласно которой а) все письменные исторические источники есть гомоморфные знаковые модели прошлого, б) процесс их исследования историком рассматривается как моделирование, в) результатом его деятельности являются гомоморфные знаковые модели прошлого; «Триада Клио» представляет собой подсистему источниковедения, а) ориентированную на исследование «массовых» и «самодостаточных» источников, б) цель которой структурирование преимущественно количественной информации, в) которая базируется на системной, модельной и «количественной» методологии, г) использует математико-статистические методы для анализа статистических источников и формально-количественные для анализа письменных источников (текстов), д) а также компьютерные технологии для сохранения, трансляции и обработки информации; «Треугольник Готлоба Фреге» включает: а) предмет вещь, явление, математическое число), б) знак (слово, математический символ), в) понятие о предмете; «Эффект Журдена» – переходная ситуация в процессе познания, когда исследователь поднимается на более

---

²⁴ Бородкин Л.О. Виталий Подгаецкий: наука как урок нравственности // Ейдос. Альманах теорії та історії історичної науки. Вип. 2. К., 2006. С. 444–445.

высокий уровень познания, для чего необходимо перейти от интуитивного (стихийного) использования того или иного методологического подхода или метода к осознанному. Последняя триада, в которой Подгаецкий репрезентует свое видение процесса познания, «*Парадигма Георгия Постике*», согласно которой историческая наука воспринимается как «языково-морально-ремесленно-познавательная система» – это а) родная речь, язык, математика (язык измерений количественных характеристик), иностранные и другие языки (жестов, движений, музыки), б) мораль (общечеловеческие ценности, национальная религия, культура), в) «исторические» ремесла – художественная литература, источниковедение, историография, устная история и т. п. (В. Ващенко, Ю. Святец).

Институциональная сеть школы начала формироваться с конца 1980-х гг., что было связано со стажировкой В. Подгаецкого на кафедре источниковедения МГУ, которую возглавлял академик И.Д. Ковальченко. При кафедре существовала лаборатория исторической информатики, по инициативе которой проводились осенние школы, где и началось знакомство с клиоμεгrikой. С 1988 г. В. Подгаецкий вместе с Ю. Святецем при поддержке профессора Н. Ковальского впервые для вузов гуманитарного профиля в Украине организовали преподавание курса «Количественные методы в исторических исследованиях». На базе кафедры историографии и источниковедения ДГУ была проведена общесоюзная школа-семинар с использованием новейших компьютерных технологий в исторических исследованиях (школа в «Лесном», 1990); выездная школа-семинар для студентов и аспирантов Днепронетровска, Львова, Запорожья (школа в «Осокорах», 1996); школа-семинар для студентов-гуманитариев ДГУ (1997). В 1994 г. на кафедре историографии и источниковедения ДГУ была создана первая и единственная в Украине научно-исследовательская лаборатория компьютерных технологий, с целью использования ее в учебном процессе и научных исследованиях. В области количественных методов и компьютерных технологий возникла ось Днепронетровск-Москва. С 1992 г. В. Подгаецкий – член Совета новообразованной Международной ассоциации «История и компьютер» (АИК), которая издавала свой информационный бюллетень, а с 1994 г. – ежегодник «Круг идей». Позднее членами АИК стали сотрудники

и ученики В. Подгаецкого. Важную роль в институционализации школы сыграли ежегодные школы-семинары и конференции АИК, в которых активное участие принимали днепропетровские клиометристы. Легитимации школы способствовали практики защиты кандидатских диссертаций учениками В. Подгаецкого, регулярно с 1993 г. Речь идет о диссертационных исследованиях: Ю. Святца – «Социально-экономическая типология крестьянских хозяйств Украины в годы НЭПа (массовые источники и методы их исследования)», Дн-ск, 1993 г.; В. Ващенко – «Факторы формирования исторической концепции в украинской историографии конца XIX – начала XX вв.», Дн-ск, 1998 г.; О. Обласовой – «НЭП в жизни крестьян Екатеринославщины (источники и методы их исследования)», Дн-ск, 1998 г.; И. Тарнопольской – «Киевский "Синописис" в историографическом и источниковедческом аспектах», Дн-ск, 1998 г.; Р. Топки – «Формирование общественно-политических идеалов украинского крестьянства по наказам и обращениям к I Государственной думе: источниковедческо-методологический аспект», Дн-ск, 2002 г.; В. Дмитриевой – «Особенности урбанизации в Украине в середине 20-х годов XX века: технологии баз данных и математико-статистические методы анализа», Дн-ск, 2002 г.; К. Шихов – «Земская благотворительность на Екатеринославщине 1866–1913 гг. (компьютерные технологии обработки и анализа источников)», Дн-ск, 2003 г. (все на украинском языке).

Школа известна своей значительной дидактической и научной продукцией (монографии В. Подгаецкого «Математические методы и ЭВМ в изучении социально-экономической истории Украинской ССР в годы НЭПа: учеб. пособие». Дн-ск, 1989 г.; «Количественные методы в исследовании массовых источников (на материалах Украинской ССР в годы НЭПа): учеб пособие», Дн-ск, 1990 г.; «ЭВМ и изучение социальных структур: учеб. пособие», Дн-ск, 1991 г.; «Города Украины в годы НЭПа (вариант клиометрического подхода к анализу социальных структур», Дн-ск, 1994 г.; «Основы теории и методологии источниковедения истории Украины XX века», Дн-ск, 2001 г. (на украинском языке). В 1998 г. Ю. Святцем и П. Доорном (Лейденский университет, Нидерланды) был издан учебник «Клиометрика. Ч. 1. Информационные технологии и инструменты», который, по словам В. Подгаецкого, «не

имеет аналогов в странах СНГ». В 2000–2002 гг. представители школы во главе с руководителем стали участниками мегапроекта – «Лидерство во имя прогресса», вместе с коллегами из Львовского, Харьковского, Запорожского, Черниговского университетов²³.

Статусную идентичность школы предопределял характер межличностных отношений внутри сети. Школа В. Подгаецкого имеет не вертикальную, а горизонтальную модель коммуникаций. Это означает, что преобладают отношения не субординации, а координации, при этом обмен информацией осуществляется равномерно между старшим поколением и внутри младшего. Это обстоятельство было обусловлено, с одной стороны, небольшой разницей в возрасте между руководителем и учениками, с другой – тем, что они вместе шли по неразведанному предметному полю квантитативной истории и одновременно формировались как самостоятельные исследователи, правда, с различным стартовым культурным капиталом. Скорость оборачивания информации по горизонтали превышала интенсивность контактов по дидактической вертикали. Между лидером и последователями не существовало коммуникационного разрыва, они вместе создавали новый для украинской историографии языковой код – язык науки. Впрочем, горизонтальная модель школы иногда провоцировала ситуации соперничества, ощущение психологического напряжения, внутренней полемики, редко – отрицание традиций и ценностей предшественников-учителей. Важная особенность школы – повышенная саморефлексия лидера относительно собственной культурной мастерской и творчества историка вообще. В. Подгаецкий сам обозначил черты своего авторского стиля: разделение текста на пункты, смысловые отрезки, фрагменты; сложный процесс поиска названия, которое бы заключало в себе идею работы; выбор эпитафия. У В. Подгаецкого было особенное отношение к цитатам и цитированию: 1) как одному из стилистических приемов, создающих содержательный и интеллектуальный фон повествования; 2) как действенному инструменту парадоксализации, углубления определенных познавательных ситуаций и проблем; 3) как одному из правил

---

²³ *Подгаєцький В.В.* Нотатки щодо історії появи кліометрики на теренах істафаку ДНУ // Історіографічні та джерелознавчі проблеми історії України. Історіографія та джерелознавство у часовому вимірі. Дн-ськ, 2003. С. 18–26.

«"хорошего тона" для ученого, свидетельству его общеобразовательного, специально-научного и культурного воспитания»²⁶.

Школа в лице лидера пережила определенную интеллектуальную эволюцию от сциентизма через модернизм к воздействию постмодернизма, что нашло отражение в его текстах, наполненных многочисленными парадоксами, ассоциациями, метафорами, яркими цитатами, выразительными образами-формулами. Размышлял В. Подгаецкий и над этикой, интеллектуальным поведением историка. Общенаучный опыт ученого, полагал он, – это не только теории, методы и технологии, но «уроки морали, так необходимые нам, историкам», историк должен быть толерантным, терпимым к мнению оппонента. В. Подгаецкий был благодарен собственным учителям (В. Борщевскому, И. Ковальченко, Н. Ковальскому) и ответственен перед своими учениками – теми, «кого мы приручаем» к клиометрике. Ныне школа днепропетровских клиометристов переживает стадию осмысления прежнего опыта и поиска новых форм.

Школа В. Подгаецкого множеством нитей была связана со школой М. Ковальского – общая организационная база (кафедра историографии и источниковедения ДНУ), источниковедческая проблематика с различными акцентами, совместное руководство аспирантами (Ю. Святец, В. Ващенко, И. Тарнопольская). Между двумя школами постоянно происходил обмен информацией, перетекание идей и кадров от одной коммуникативной сети к другой, а также осуществлялись коммуникации с историографической школой. Школа В. Подгаецкого первая и единственная в Украине притягивала и сплавивала клиометристов Одессы, Харькова, Львова, Симферополя, Запорожья, тесные интеллектуальные контакты поддерживались с Москвой и Санкт-Петербургом.

Историографическая школа

Историографическая школа – еще одна сеть коммуникаций днепропетровских историков. В отличие от школы Н. Ковальского, которая формировалась как гомогенный, самодостаточный центр украиноведческих студий, историографическая школа возникает под влиянием традиций российско-советской историографии. С

---

²⁶ Бородин Л.О. Виталий Подгаецкий: наука как урок нравственности. С. 443–444.

самого начала она была связана с ведущими историографическими центрами Москвы, Воронежа, Ленинграда. Важный узел коммуникативной сети — это культурно-интеллектуальные влияния и идеология школы. Вертикальная линия представлена контактами основателя школы Виктора Шевцова (1940–1981) с московской научной элитой — А.М. Сахаровым, В.Е. Иллерицким, В.А. Дунаевским, Е.В. Чистяковой, И.Д. Ковальченко, А.И. Роговым, В.А. Муравьевым, В.И. Дурновцевым, А.С. Орловым. Это было яркое созвездие имен, олицетворявших лучшие силы российской историографии того времени. Дальнейшая эволюция школы осуществлялась под влиянием идей науковедения, культурной антропологии, интеллектуальной моды постмодернизма и «вызовов» постнеклассической науки. Предметное поле школы формировали биоисториография, российская и украинская историография, логико-гносеологический анализ науки, культурно-интеллектуальная история, новая семейная история, сетевая теория, история понятий.

Институциональная история школы представлена тремя периодами. Первый период (1970-е — начало 1980-х гг.) характеризовался идейно-организационным становлением сети коммуникаций днепропетровских историографов. Логика творчества основателя школы отображала основные тенденции развития историографии как специальной дисциплины на стадии ее окончательного оформления и идейного взлета (как ни парадоксально, но это была реакция на общий кризис советской исторической науки 1970-х гг.). В собственном дискурсе В. Шевцова начался дрейф от исследования яркой личности дерпгского профессора-юриста Г. Эверса через изучение отдельных направлений и школ в российской исторической науке первой половины XIX в. (скептической школы, буржуазного направления) к истории историографических представлений в России 1820–1830-х гг.²⁷ В рамках совет-

---

²⁷ *Шевцов В.П.* Г. Эверс и развитие русской исторической науки в XVIII — начале XIX в. в немецкой историографии // Исследования по славяно-германским отношениям. М., 1971. С. 30–42; *Его же.* Вопросы истории древнейшего права в сочинениях Г. Эверса // Некоторые вопросы всеобщей истории и методики ее преподавания: сб. науч. тр. Дн-ск, 1972. С. 105–116; *Его же.* Родовая теория Г. Эверса // Вопросы историографии и источниковедения славяно-германских отношений. М., 1973. С. 6–24; *Его же.* Густав Эверс и русская историография // Вопросы истории. 1975. № 3. С. 55–70; *Idem.* Die Sippentheorie bei Gustav Ewers //

ской парадигмы история исторической науки представляла собой телеологический процесс движения к вершине науки – материалистическому пониманию истории. Разумеется, В. Шевцов не мог выйти за пределы официальной доктрины формационно-классового анализа, согласно которой история исторической науки воспринималась как борьба идейных направлений: дворянско-охранительного, буржуазно-либерального и революционно-демократического. Впрочем, у него уже было предчувствие эпохи Романтизма в российской исторической науке. Слово «романтизм» находилось на кончике пера основателя Днепропетровской историографической школы, но так и не было написано, так как не имело права на концептуализацию в советском историографическом дискурсе. Работы В. Шевцова и ныне сохраняют статус едва ли не самых успешных советских историографических практик, с присущим им поиском деполитизированных сфер исследования, знанием иностранных языков, введением в оборот немецкоязычных текстов Г. Эверса, тонкой вкусовой культурой²⁸. Признаками школы на этапе ее генезиса являлись аналитично-эмпирический стиль мышления, интерес к персоналиям, органичность российской историографической тематики. Учениками В. Шевцова были И. Колесник, П. Кожемякин,

---

Russisch-deutsche Beziehungen von der Kiewer Rus' bis zur Oktoberrevolution. Akademie Verlag, Berlin, 1976. S. 163–180; *Его же*. «Скептическая школа» М.Т. Каченовского в оценке В.С. Иконникова // Некоторые проблемы отечественной историографии и источниковедения: сб. науч. тр. Дн-ск, 1976. С. 80–88; *Его же*. Оценка скептической школы в советской историографии // Некоторые вопросы отечественной историографии и источниковедения: сб. науч. тр. Дн-ск, 1977. С. 3–14; *Его же*. Развитие прогрессивного направления в русской историографии 1-й половины XIX в.: учебное пособие по курсу «Историография истории СССР». Дн-ск, 1980; *Его же*. Вопросы отечественной историографии в русской исторической литературе 20–30-х гг. XIX в. // Некоторые вопросы отечественной историографии и источниковедения: сб. науч. тр. Дн-ск, 1976. Вып. 3. С. 128–144; *Его же*. Понимание предмета и задач исторической науки в русской историографии первой трети XIX в. // Проблемы историографии и источниковедения истории СССР: сб. науч. тр. Дн-ск, 1979. С. 3–25; *Idem*. Sowjetische Historiker über die kritische Richtung in der russischen Historiographie im ersten Drittel des 19Jh. // Jahrbuch für Geschichte der sozialistischen Länder Europas. VEB: Deutscher Verlag der Wissenschaften. Berlin, 1979. S. 66–81.

²⁸ Колесник И.И. Исследование отечественной историографии в трудах В.И. Шевцова // Актуальные историографические проблемы отечественной истории XVII–XIX веков: сб. науч. тр. Дн-ск, 1982. С. 154–166.

Е. Чернов, однако трагическое событие – ранняя смерть В. Шевцова – поставила под угрозу существование первых ростков школы.

Второй этап (1980-е – начало 2000-х гг.) отмечен идейным и организационным самоопределением школы. Начинания учителя были продолжены учениками. Мысль учителя о возникновении первых историографических представлений в России в 20–30-х гг. XIX в. нуждалась в теоретической аргументации и фактографическом обосновании. В литературе того времени господствовала концепция ученицы академика М.В. Нечкиной Р.А. Киреевой, согласно которой историография как учебная дисциплина возникает в российских университетах во второй половине XIX в. Однако интеллектуальная интрига заключалась в том, что ответить на вопрос, когда возникают первые историографические представления с помощью средств самой историографии, было невозможно. С целью выхода из проблемной ситуации пришлось обратиться к методологическому арсеналу науковедения, которое в 1980-х гг. выступало в качестве транслятора популярных на Западе идей социологии и философии науки. В свете теории рефлексии процесс познания имеет два уровня: предметное знание и критическое (знание о том, как предметное знание было получено). Соответственно историческая наука – это предметное знание о прошлом, историография – рефлексивное знание, самосознание науки (т. е. изучает предмет, метод, стратегии исследования). Кроме того, историография выполняет парадигмальную функцию (фиксирует существующую систему знаний, создает традиции, канон историописания) и критическую (т. е. генерирует новое знание). Согласно теории рефлексии историографические представления возникают одновременно с предметным знанием о прошлом в виде рефлексии автора или как совокупность литературы по предмету (проблемная историография), а со временем трансформируются в специальную дисциплину²⁹.

С 1990-х гг. начался переход к украиноведческой тематике, дискурс школы становится украиноязычным. Радикальному обновлению дисциплины историографии способствовал поворот от классово-репрессивного тоталитарного мышления к «новой исто-

²⁹ Колесник И.И. Историографическая мысль в России: от Татищева до Карамзина. Дн-ск, 1993. С. 23–43.

рической науке», культурной антропологии, культурно-интеллектуальной истории, нарратологии, нарративной психологии. Вследствие модернизации понятийного аппарата историографии научный лексикон школы пополнился такими концептами, как «ментальность историка», «профессиональная идентичность», «образ науки», «образ историка», «духовно-интеллектуальный ландшафт эпохи». Заметным стало влияние и постмодернистской лексики: «дискурс», «деконструкция», «нарратив», «гранд-нарратив», «интертекстуальность», «научные стратегии исследования» и т. п.

Интеллектуальный поворот в рамках Днепропетровской историографической школы был обусловлен в первую очередь дидактическими задачами. Чтение ряда историографических курсов («Историография истории Украины», «История исторической науки», «Историческая наука в Украине XX в.», спецкурс «Историческая наука и образование в украинской культурной традиции») на истфаке ДГУ требовало нового видения историографического процесса в Украине, отказа от устаревших на тот момент биографического или проблемно-хронологического подходов. Вместе с тем дидактические практики должны были опираться на предшествовавшие достижения и приобретения школы в области науковедения, теории и истории науки. Таким образом, минуя фазу собирания «сырого» историко-научного материала, был совершен переход к стадии проблематизации и концептуализации фактажа. В таком ключе украинский историографический процесс предстал не как простой перечень биографий историков или борьба идейных направлений науки, но как история идей, методов, теорий в социокультурном контексте конкретной эпохи.

Смысл культурно-интеллектуальной концепции истории исторической науки в Украине заключался в том, что одновременно с биографией идей осмысливался духовно-интеллектуальный ландшафт эпохи: территориально-ментальные особенности украинских земель-регионов, входивших в состав Российской и Австрийской империй, характер исторического сознания и научного мировоззрения историка, развитие фундаментальных и гуманитарных наук, состояние исторической периодики, публицистики, критики, специфика культурно-общественного движения активного украинства, отношения власти к истории. Все эти факторы оказывали решающее воздействие на ход исторической мысли и мотивацию

научной деятельности как лидеров науки, так и историков «второго плана», преподавателей и популяризаторов родной истории. Критерием периодизации истории исторической науки в Украине (как проект модерна с XVIII в.) является смена парадигм исторического мышления: просветительский рационализм (сменивший безраздельно господствовавшей веками провиденциализм), национально-ориентированный романтизм, позитивизм (в формах народничества и областничества), методологический плюрализм (национально-государственная концепция Грушевского, теория элит В. Липинского)

С конца 1990 – начала 2000-х гг. был подготовлен (под руководством И. Колесник) ряд кандидатских диссертаций в русле традиций и теоретико-историографических практик на кафедре историографии и источниковедения ДНУ, что привнесло немало нового и личного в процесс идеологического становления и организационного объединения школы. Речь идет о диссертационных работах Г. Мерникова – «Школы в украинской исторической науке второй половины XIX – начала XX в.: проблемы теории и историографии», 1997 г.; С. Легезы – «Романтизм и украинская историография: методологический аспект», 1998 г.; В. Андреева – «Д. Дорошенко как исследователь украинской историографии», 1998 г.; К. Колесникова – «Украинская историческая наука и историософия на рубеже XIX–XX вв.», 1999 г.; Д. Вырского – «Ст. Ориховский-Роксолан как историк и политический мыслитель», 2000 г.; В. Головки – «Кризис современной исторической науки: теоретический и историографический контекст», 2000 г.; С. Айтова – «Украинская историография и журнал "Основа" в контексте культурно-национального возрождения Украины», 2001 г. (все на украинском языке).

Третий – днепропетровско-киевский – этап в истории школы (начало 2000-х гг.) связан с расширением ее организационной базы и новыми формами коммуникаций. В 2001–2002 гг. Д. Вырский, В. Головки, И. Колесник стали сотрудниками Института истории Украины в Киеве. Расширению днепропетровско-киевской сети коммуникаций способствовало проведение с 2005 г. ежегод-

но в Институте истории Украины НАН Украины теоретико-методологического семинара с привлечением специалистов из Львова, Днепропетровска, Харькова, Краматорска, Одессы, Киева, Чернигова. Формой концентрации интеллектуального ресурса, а также средством накопления контактов стал издаваемый с 2005 г. ежегодник «Эйдос. Альманах теории и истории исторической науки» (вып. 1–5, К., 2005–2010, гл. ред. В. Смолий, отв. ред. И. Колесник). Достаточно широкой остается география участников альманаха: Украина, Россия, Канада, Беларусь, Польша.

Не прерываются связи с Днепропетровском. Подготовка кандидатов и докторов наук (под руководством И. Колесник) ведется на кафедре историографии и источниковедения ДНУ и в Институте истории Украины НАН Украины. Это кандидатские диссертации А. Голубчик – «Род Марковичей-Маркевичей в культурно-общественной жизни Украины: "новая семейная история"», Дн-ск, 2003 г.; Н. Барабаш – «Род Белозерских и культурный мир Украины XIX – начала XX вв.: новые методологические подходы», Дн-ск, 2005 г.; Д. Андросовой-Байды – «Украинская историческая наука 1920-х гг.: образ женщины-историка», К., 2010 г. (все на украинском языке), а также докторские диссертации Д. Вырского – «Речпосполитская историография Украины (XVI – середина XVII вв.)», К., 2009 г.; В. Ващенко – «Стратегии конструирования М. Грушевским украинских метанарративов: методы и их функции», Дн-ск, 2009 г. (все на украинском языке)³¹. Киевский этап функционирования школы отмечен поисками новых методов и техник исследования, попыткой верифицировать перспективные идеи и подходы на материалах истории исторической науки в Украине, что нашло отражение в научной продукции школы, в частности, монографиях Н. Барабаш – «Род Белозерских и культурный мир Украины XIX – начала XX вв.», К., 2007 г.; Д. Вырского – «Речпосполитская историография Украины (XVI – середина XVII вв.)», К., 2008 г.; И. Колесник – «Гоголь. Сети культурно-интеллектуальных коммуникаций», К., 2009 г. (все на украинском языке) и т. д.

---

³¹ Колесник І. Дніпропетровська історіографічна школа: спроба саморефлексії // Ейдос. Альманах теорії та історії історичної науки. Вип. 2. Ч. 1. К., 2006. С. 381–404.

Межличностная сфера коммуникаций школы включает вертикальные и горизонтальные векторы. Основатель школы В. Шевцов был наделен исключительным чувством стиля, «историографичностью» мышления. В провинциальном, в научном отношении, Днепропетровском университете 1970-х гг. он использовал редкие историографические практики, приобщал студенческую молодежь к историографической тематике, воспитывал своими курсами и индивидуальной работой профессиональную культуру историка. В. Шевцов был блестящим научным коммуникатором. Имел высокий по тем меркам уровень языковой и профессиональной подготовки, полученной во время учебы в Воронежском университете, где в его время сохранялись традиции московской профессуры, которая в период гонений пребывала на периферии, в «интеллектуальной ссылке». Отсюда понятны тесные связи В. Шевцова с профессором В.А. Дунаевским и Е.В. Чистяковой, собственно благодаря их поддержке и содействию он с легкостью и непринужденностью вошел в высший круг московской интеллектуальной элиты 1970-х гг. На всех последующих этапах школе историографов присущ был партнерский стиль общения, открытость к новому, постоянная циркуляция идей и коммуникаций внутри и извне. Вертикальная линия коммуникаций означала преемственность традиций российской историографии, наследование ее лучших образцов, аккумуляцию приобретений (Л.В. Черепнин, А.М. Сахаров, В.Е. Иллерицкий, А.Н. Цамутали, И.Д. Ковальченко); горизонтальная характеризуется влиянием источниковедческих практик школы Н. Ковальского, идей структурной методологии и клиометрики, которые пропагандировались В. Подгаецким и его окружением, а также обменом информацией с историографическими анклавами Харькова, Одессы, Киева, Москвы, Казани, Омска и т. д.

В целом другие научные центры, объединения, группы украинских историков, приближавшиеся к формату «научная школа», требуют как внутренней рефлексии корпорантов, так и внешней рецепции со стороны научного сообщества, к примеру, школа Л. Коваленко, школа Ф. Шевченко, историко-архивоведческая школа В. Стрельского, все признаки школы приобрел и центр изучения истории Южной Украины под руководством А. Бойко и др.